

вашу смѣрть? Вы знаете, какой онъ горячій: изъ малости ужъ виѣ себя, а тогда... Боже упаси!

Марья Дмитріевна:—Ты права... я должна тебя наградить: у меня въ шкатулкѣ есть 80 рублей... дай нѣсколько и старику Павлу. Онъ всегда вѣрно мнѣ служилъ, и тобой я всегда была довольна... (Смутная радость изображается на лицѣ Аннушки). О, какъ сердце бьется!.. Что хуже: ожиданіе или безнадежность?

(Дверь открывается. Тихо входитъ **Владиміръ**. Онъ мраченъ. Молча подходитъ къ постели и останавливается въ ногахъ).

Аннушка:—Владиміръ Павловичъ пришелъ.

Марья Дмитріевна (быстро):—Пришелъ! (Приподнимается и опять опускаетъ голову). Владимиръ... ты одинъ!.. а я думала... ты одинъ!..

Владиміръ:—Да.

Марья Дмитріевна:—Другъ мой, ты звалъ его сюда? Сказалъ, что я умираю? Онъ скоро придетъ?

Владиміръ (мрачно):—Какъ вы себя чувствуете? Довольно ли вы крѣпки, чтобъ говорить и... слушать?

Аннушка:—Барыня безъ васъ все плакала, Владимиръ Павловичъ.

Владиміръ:—Боже, Боже! Ты всеиленъ... Зачѣмъ непременно я долженъ убить мать мою?

Марья Дмитріевна:—Говори скорѣе, не терзай меня понемногу... Придетъ ли твой отецъ? (Молчаніе). Гдѣ онъ... Какъ предстанъ предъ Бога?.. Владимиръ, безъ него я не умру спокойно!

Владиміръ (тихо):—Нѣтъ.

Марья Дмитріевна (не слыжавъ):—Что сказать ты?.. Дай мнѣ руку, Владимиръ.

Владиміръ (слезы начинаютъ падать изъ глазъ его; онъ бросается на колѣни возлѣ постели и покрываетъ поцѣлуями ея руку):—Я возлѣ васъ... Зачѣмъ вамъ другого? Развѣ вамъ недовольно меня?.. Кто-нибудь любить ли васъ сильнѣй, чѣмъ я?

Марья Дмитріевна:—Встань... ты плачешь...

Владиміръ (вставъ, отходитъ въ сторону):—Ужасная пытка! Если я все это вынесу, то буду себя почитать за истукана, который не стоитъ имени человѣка. Если я вынесу... то увѣрюсь, что сынъ всегда похожъ на отца, что его кровь течетъ въ моихъ жилахъ, и что я, какъ онъ, хотѣлъ ея погубить... Таки!.. Я долженъ былъ силою пригнать у него прощеніе... (Съ ѡбщей радостью). Послушайте, послушайте, что я вамъ скажу! Мой отецъ веселъ, здоровъ и не

хотѣлъ васъ видѣть!.. (Вдругъ, какъ бы испугавшись, останавливается).

Марья Дмитріевна (вздрагиваетъ; послѣ молчанія):—Молись... молись за насъ... Не хотѣть... о!..

Аннушка:—Ей дурно, дурно!..

Марья Дмитріевна:—Нѣтъ... нѣтъ... я соберу послѣднія силы... Владимиръ, ты долженъ узнать все... и судить твоихъ родителей... Подойди! Я умираю... отдаю душу правосудному Богу, и хочу, чтобъ ты, ты, мой единственный другъ, не обвинялъ меня по чужимъ словамъ... я сама произнесу свой приговоръ. (Останавливается). И виновна: молодость была моею виною!.. И имѣла пылкую душу... твой отецъ холодно со мной обращался... я прежде любила другого... если бъ мой мужъ хотѣлъ—я забыла бы прежде. Нѣсколько лѣтъ старалась я побѣждать эту любовь—и одна минута рѣшила мою участь... Не смотри на меня такъ... о!.. Упрекай лучше самыми жестокими словами! Я твой злодѣйка! Мой проступокъ заставляетъ тебя презирать меня, и не одну меня... Долгимъ раскаяньемъ и загладила свой проступокъ. Слушай: онъ былъ тайною, но я не хотѣла, не могла заглушить совѣсть и сама открыла все твоему отцу. Съ горькими слезами, съ униженіемъ я упала къ ногамъ его... я надѣялась, что онъ великодушно проститъ мнѣ... но онъ выгналъ меня изъ дому, и я должна была оставить тебя, ребенка, и молча, подавленная тягостю собственной вины, переносить насмѣшки свѣта... Онъ жестоко со мной поступилъ!.. Я умираю... Если онъ мнѣ не простилъ еще, то Богъ его накажетъ... Владимиръ! Ты осуждаешь мать свою?.. Ты не смотришь на меня!.. (Голосъ ея подъ конецъ становится все слабѣе и слабѣе).

Владиміръ (въ сильномъ движеніи; про себя):—Вижу! вижу! Природа вооружается противъ меня!.. Я ношу въ себѣ сѣмя зла... я созданъ, чтобъ разрушать естественный порядокъ!—Боже! Боже! Здѣсь умирающая мать—и на языкѣ моемъ нѣтъ ни одного утѣшительнаго слова... ни одного.. Неужели мое сердце такъ сухо, что нѣтъ даже ни одной слезы?.. Горе, горе тому, кто иссушилъ это сердце!.. Онъ мнѣ заплатитъ! Я сдѣлался черезъ него преступникомъ... Съ этой минуты прочъ сожалѣніе! День и ночь буду я напѣвать отцу моему страшную пѣсню до тѣхъ поръ, пока у него не встанутъ дыбомъ волосы и раскаяніе не начнетъ грызть его душу. (Обращаясь къ матери). Ангелъ, ангелъ! Не умирай такъ скоро! Еще нѣсколько часовъ...

Аннушка (съ примѣтнымъ безпокойствомъ по-